

**ПОЭТ ИЛИ НЕ ПОЭТ. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ. Изд. Сирин. Т. 1. ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПР. Тт. XIII,
XIV. АЛТАРЬ ПОБЕДЫ**

Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений. Изд. Сирин. Т. 1. Юношеские стихотворения и пр. Тт. XIII, XIV. Алтарь победы.

Начало нынешнего литературного года открылось спором о Брюсове, поднятом в заседании литературного общества. Ф. Батюшков прочел доклад, направленный против Ю. Айхенвальда, отрицающего в Брюсове поэта; доклад вызвал прения.

Кто не знает, как легко мы объявляем гениями дарования очень скромные и с какой легкостью потом отворачиваемся от недавних кумиров. Не ошиблись ли мы и в Брюсове?

Поэт или не поэт? Не страшно ли на самом деле решать такой вопрос о большом и влиятельном писателе? Не возникает ли тем самым вопрос, что такое вообще поэзия? Не играем ли мы здесь словами? Не углубляясь сейчас ни в какую теорию, отвечу лишь, что как бы ни определять поэзию, - она, во всяком случае, не есть стихия только словесная, и отнюдь не чисто идеяная, но, прежде всего, есть особый способ индивидуального восприятия явлений и особый тип самоощущения.

На вопрос: поэт или не поэт - можно ответить, не вдаваясь ни в какие углубления, указанием на индивидуальность, - есть она или нет? Потому что, если она есть, если перед нами своеобразная человеческая душа, - разве не решается тем самым вопрос об особом восприятии окружающего и ощущения себя?

Своеобразная душа есть уже такая драгоценность, что мы можем сказать: довольно с нас и этого! А если бы она оказалась при этом душой, одаренной и особым даром смотреть на мир и внутрь себя, владея еще и властью слова, то мы должны сказать всем нам, что перед нами явление, как бы оно ни было слабо по своим силам, - чудесное.

Вопрос о своеобразной личности первое вопроса о поэтической психологии этой личности, потому что живая душа, смотрит ли она на мир или внутрь себя, смотрит в вечность, и сама есть нечто вечное и нужное всем нам.

В недавно вышедшем первом томе первого полного собрания сочинений Брюсова помещены его юношеские стихотворения (1892 - 1897), те, которые когда-то высмеивали, а потом забыли и "простили", побежденные стихами позднейшими, нисколько не смешными, похожие на всякие "обновленные" стихи. Сложилось то общее мнение, что Брюсов бросил свои детские шалости, выходки, угомонился, остыл и перешел к настоящим солидным стихам, дающим ему право на внимание серьезных читателей, может быть, уже и на академический титул.

Кажется, и сам Брюсов, как это свойственно, впрочем, и каждому художнику, снисходительно относится к своим молодым грехам, дорожа больше эпохой "зрелости". И все это так: поэт развивается, сегодня он пишет лучше, чем вчера; завтра, надо надеяться, напишет лучше, чем сегодня. Но в

чем непосредственнее, в чем прямее выразилась его душа? Откуда она пристальнее смотрит?

В том-то и дело, что всегда непосредственнее всего живет она в юношеских вещах, из них пристальнее всего смотрит! И потому без знанья их представление о поэте по большей части лишь приблизительно верно: Тургенев напрасно так стыдился своих стихов, Лев Толстой уже весь в "Детстве" и "Отрочестве", Лермонтов весь уже дан в его ранней лирике.

Заменяя вопрос: поэт или не поэт - вопросом гораздо более важным: личность или не личность, и что это за личность, я и нахожу в юношеских стихотворениях Брюсова ответ более убедительный, чем в позднейших, не потому, что первые совершеннее вторых, но потому, что сырее, свежее. Поздние "солидные" стихи Брюсова славятся строгостью стиля и точностью мысли. В ранних – не только нет этой строгости и точности, напротив, они хаотичны, иногда даже безобразны - следствие стилистической смелости и несдержанности. Как это произошло, что писатель пришел от своеволия к классицизму? Просто отказался от грехов своей юности? Нет! и прежде, и теперь - перед нами та же душа, те же порывы. Вникнем в их смысл - еще в юности, - и мы поймем, почему теперешний Брюсов, не изменяя себе, так не похож на прежнего. Может быть, поймем и то: поэт ли он?

Основной смысл брюсовского лиризма и прежде, и теперь - тот же; он вызван и весь обусловлен томленьями его темперамента: чувственного до угрюмости, - и самовлюбленного, и страдающего от той боли, которую не может не причинять чувственность - тем более, если она себя не отрицает, а утверждает. Но это утверждение чувственности сопровождается у Брюсова не только страданием (в чем не было бы ничего своеобразного) - и не самовлюбленностью только (чем Брюсов очень современен - и все же не своеобразен), но еще одной чертой, и в соединении ее с самовлюбленностью - все своеобразие лирической души Брюсова. А именно: рядом с самовлюбленностью, за всеми его страстными томленьями шло холодное, вялое, скучающее, но точное, словно размеренное - наблюдение себя, своих страстей и всего, что вокруг. Он призывал упоенья, восторги; и когда они приходили, - он и отдавался им, и смотрел на них холодно, со стороны. Чувственность и наблюдение, смотрение на себя со стороны, на жизнь - кинематографически!.. Могут ли они ужиться: страсть и холодность? Что победит?

Мы можем проследить через все, написанное за много лет Брюсовым, как чувственная стихия его постепенно замораживается:

Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны...

Как страсть превращается понемногу в кристаллы, как поэзия все правильнее стилизуется - к удовольствию равнодушных и серьезных читателей, - к ущербу лирической души!

Вот почему ранние стихи Брюсова несовершены, часто до смешного, в стилистическом смысле - и раздраженны, несдержаны в их порывах; поздние - классичны, солидны и никогда уже не бывают смешны, но холодная стихия во всех отношениях овладела душой того, кто был поэтом, поскольку он был человеком страстей, и не был поэтом, поскольку он был "наблюдателем". И эта страсть была в нем признаком поэзии не потому, разумеется, что страсть и есть поэзия сама по себе, - но потому, что в ней всегда бывают источники поэзии. И я думаю, что у Брюсова в его страсти были эти источники. Но рядом со "страстью" шло наблюдение и охлаждало страсти, тем самым усыпляя поэзию. Брюсовский "классицизм", стилизация его поздних стихов - это победа холодной стихии, которая сперва жила рядом со стихией страстей и самой поэзии, а потом овладела и страстями, и поэзией. Та же победа сказалась и в прозе. В "Огненном ангеле" чувственная стихия не сдается и переливает через край, несмотря на стилизацию, - в "Алтаре победы" - холодная стихия, точная, скучная, "наблюдающая", стилизующая, овладела поэтом вполне. Но лирическая душа не так уступчива: и потому-то после сборника "Зеркало теней" - выражения охлажденных и утомленных чувств, - Брюсов опять, в стихах самого последнего времени, обратился к мотивам чувственным. Кто же одолеет? Не скажется ли теперь сама чувственность усталостью и бессилием? Если скажется, - это будет последняя победа того рокового холода, который с ранних лет томил душу и усыплял в ней поэзию вместе со страстями...

О не жалей, что яркость побледнела!
Когда-нибудь в печальной смене лет
Вернется все, и не погаснет свет...

Так утешал себя поэт двадцать лет тому назад ("Заветный сон"). Вернулось ли? Погасло ли то, что им еще так угловато, но жарко высказывалось в "Предчувствии":

Моя любовь - палящий полдень Явы...
.....
Идем, я здесь! мы будем наслаждаться!
Играть, блуждать в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

Ведь, сгорая этим "огнем сладострастья", он уже тогда и "наблюдал" его. "Наблюдение" обессиливало уже тогда:

Сладострастные тени на темной постели окружили, легли, притаились, манят.
Наклоняются груди, сгибаются спины, веет жгучий, тягучий, глухой аромат.
И, без силы подняться, без воли прижаться и вдавить свои пальцы в округлости плеч,
Точно труп наблюдаю бесстыдные тени в раздражающем блеске курящихся свеч;
Наблюдаю в мерцанье колен изваянья, беломраморность бедер, оттенки волос...

И от "наблюденья" над страстью - опять склонялся к страсти:

Я сожму твои бледные ноги,
Зацелую влюбленно колени...

Но от страсти - снова к "наблюденю":.. Устами "одной из осужденных жриц" горько охлаждаемая душа поэта говорит о самой себе:

...Я наблюдаю из кровати
Калейдоскоп людей и лиц,
И поцелуев, и объятий.

Вся жизнь проходит, как во сне,
В позоре ласк и опьяненья,
И непонятно больше мне
Святое слово наслажденье.

.....
И если Бог пошлёт мне сон
О недоступном и о счастье, –
Мне про любовь не скажет он,
Мне не приснится сладострастье.

Это - поэзия, возникающая прямо на границе колебания души между двумя враждебными стихиями: их колебание вызывает "томление духа"; томление духа - поэзию. То, что это поэзия, а не только "психология", доказывается и тем, что поэт уже в эти ранние годы подходил и к той границе, где поэзия переходит в пророчество:

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.
Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над развернутой бездной
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

Возможность полярной по отношению к чувственности тяги - в таком предчувствующем колебании двух стихий - т.е., аскетическое отречение от страстей, должно было явиться неизбежно и, действительно, мы читаем в следующем году (1906) - такое отречение:

Как царство белого снега,
Моя душа холодна...

.....
Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...

.....
А я всегда неизменно
Молюсь неземной красоте...
.....
Отдавшись холодной мечте...

За "холодной мечтой" пришло поклонение красоте, ощущение которой трагически сливается с предчувствием смерти. Мы на границе поэзии и пророчества. Мы присутствуем при самом зарождении в чувственной душе современности развившегося в ее недрах эстетизма, встретившегося с культом смерти. Так совершают поэтическая мысль фатальный круг своего развития, сужденный человеческой мысли. Но душа поэтическая отличается от каждой обыкновенной остротой ощущения - даже до остроты сознания.

Холодная стихия, пробудившаяся в Брюсове слишком рано, едва возникли ощущения, вела его от страстей, от непосредственности, от поэзии к "Наблюдению", к сознанию, к стилизации. Победила или не победила? Я верю, что нет! И как жутко думать о ее неизбежной и уже последней победе над душой человеческой...

Поэт или не поэт? Не все ли равно! Пусть не поэт! пусть умерла бы поэзия - только бы не победил души человеческой холод! Но потому-то так и жутко думать об этой последней победе, что в душе, способной к поэзии, к поэтическому восприятию мира и себя самой, - смерть поэзии есть смерть самой души.